

Фарн фарн [восходит к древнеиран. *hvarnah-, обычно трактуемому как обозначение солнечного сияющего начала, божественного огня, его материальной эманации (ср. вед. svar, «свет», «сияние», «блеск», «солнце»), возрастающей, прибывающей, расширяющейся силы (ср. индоевроп. *suer /-nes-), нечто желанное, достигнутое, откуда □ «хорошая (благая) вещь», «желанная вещь», «благо», «имущество».

Авест. xvarnah, «слава», «величие», «блеск», «сияние», «харизма» и т. п., согд. prn, «слава», «знамение» и т. п., осет. farn, «обилие», «счастье», «мир», др.-перс. farna, ср.-перс. xvarrah, «царская слава», «царское величество», перс. farr, «блеск», «великолепие», «пышность» и т. п., согд. prn, frn, сакск. phārra, «положение», «ранг», «достоинство», «звание» и т. д.], в иранской мифопоэтической традиции божественная сущность, приносящая богатство, власть и могущество; державная сила. Видимо, Ф. выступал и как неперсонифицированное сакральное начало абстрактного или конкретного (материальный символ) характера, и как персонифицированный божественный персонаж.

В «Авесте» Ф. □ обычно некая сакральная благая доля, «хорошая вещь» («Яшт» XVII 6). Им могут владеть божественные персонажи, дарующие его людям («Датастан-и-деник»), сами люди, для которых Ф. обычно воплощается в богатстве («Яшт» X 8, «Ясна» 60, 2, 4), доме, жене, детях, скоте, здоровье («Яшт» XV 56, известна формула пожелания Ф. для сохранения здоровья в поздних зороастрийских текстах).

Ф. имеет общие атрибуты с едой, пищей, которая в иранских языках может обозначаться тем же словом, что и Ф., или его производными (авест. vxarnah, vxarnti, xvartay, xvara, xvarna и т. п.). Ф. выступает и как добрый дух □ охранитель дома, в случае смерти хозяина он покидает дом, если не соблюдены некоторые условия (ср. отражения в осетинской традиции: пословица «тише, не забывай о Ф. дома», представление о том, что отцовский Ф. не уходит в царство мёртвых).

Особым Ф. обладает селение, область, страна, народ. В ряде случаев говорится о Ф., скрытом в глубине вод («Яшт» XIX 51□64), о Ф., связанном с водами и реками, с солнцем, выступающим как даритель Фарн («Денкарт»).

Иногда Ф. реализуется не столько в материальном виде, сколько символически □ как

счастье, доля, судьба (в этом смысле он сопоставим с греческой Тихе, римскими Фортуной, гением и т. п.). Именно такой Ф. свойствен, видимо, ариям в целом, жрецам-кави, Заратуштре («Яшт» X 105).

Тот, у кого есть Ф., — «обладатель благой судьбы». Ф. — объект восхвалений («Яшт» XIX), он непобедим и могуществен: он спутник победы, являющийся в виде сияющего огня («Перед Митрой летит пылающий огонь, могущественный фарн кави», «Яшт» X 127).

Образ сияющего Ф., высшей божественной доли, находящейся в обладании верховной власти (царя), получил воплощение в царском нимбе. Более поздняя традиция усвоила образ Ф. как символ незыблемости шахской власти в Иране.

Ф. как доля, судьба связывался с брачными и похоронными обрядами. Ср., например, отражения в поздней традиции: свидетельства армянских авторов Фавстоса Бузанда (V в., «История Армении», IV 24) и Мовсеса Хоренаци (конец V — начало VI вв., «История Армении» III 27), согласно которым царская гробница — это место, где находится Ф. царя после его смерти; таджикское представление о том, что душа барана (связываемого с Ф.) помогает душе человека перейти через мост, ведущий в рай, и т. п.

У осетин при введении жениха в дом шаферы возглашают «Ф. шествует!», поются свадебные песни Ф. и т. п. Иранской религиозно-мифологической традиции не было чуждо и представление о плохом Ф., откуда авестийское *duš xvarnah-*, «обладающий плохим Ф.».

Основная мифологема о том, как Ф. оставляет своего обладателя, связана с Йимой, от которого Ф. отлетел в облике птицы варэгна (*vāgūna*, «Яшт» XIX 32). Тот же мотив встречается и позже. Ф. не только связан с животными, но и нередко трансформируется в зооморфные образы.

О связи Ф. с птицей варэгна (сокол Варган, инкарнация Веретрагны), возможно, свидетельствует упоминание в «Яште» (XIV 36) об амулете из птичьих перьев, который приносит почтение, дарует Ф. Реконструируется (Г. В. Бейли) представление о Ф. в виде газели. Широкое распространение, особенно в сасанидском искусстве, получил

образ барана как воплощённого Ф. Это связывает Ф. с Веретрагной, чьим атрибутом был баран (уже в «Видевдате» 19, 17 Веретрагна в образе ветра называется «несущим хварнаһ-», где хварнаһ- толкуют как божественное знамя, знак).

Начиная с Шапура II изображение барана как символа бога Ф., получает широкое распространение, а Аммиан Марцеллин сообщает, что в одном из сражений Шапур II имел на голове богато украшенный убор в виде бараньей головы (*Res gestae* XIX 1, 3). Сходные изображения известны на кушано-сасанидских монетах, предметах посуды и утвари.

В пехлевийском сочинении 6 века «Карнамаки Ахташери Папакан» образ барана на лошади выступает как воплощение царственного кейянидского Ф. Ср. использование образа барана в структуре царского трона: в «Шахнаме» Кай Кавус дарит Рустаму трон в виде барана. Видимо, эта символика имела и более глубокие корни.

Уже на луристанских бронзах, на стеле из Унташгала, на ещё более ранних печатях отмечены персонажи с короной, украшенной бараньими рогами. Изображения барана присутствуют на многочисленных зооморфных ручках сосудов в среднеазиатской и сарматской керамике первых веков н. э. (иногда вместо барана выступают козёл, вепрь, собака и т. д.).

Б. А. Литвинский толкует их как зооморфные символы Ф. — охранителя сосуда. Не исключена связь Ф. в образе барана с осетинским «властителем спальни», награждающим новобрачных потомством (своего рода субститутот «властителя спальни» является «святой баран», к которому в брачном обряде обращаются с просьбой, чтобы рождались мальчики; ср. связь Ф. с брачными обрядами).

С персонифицированным образом божественного Ф., возможно, следует связывать находку на Кубани золотого амулета с надписью, содержащей имя Уатафарнес, толкуемое рядом исследователей как Ф. (божество) жилища. В иранской традиции есть немало примеров, когда Ф. изображался в человеческом облике.

В согдийско-манихейской версии сказки о Кесаре и ворах вор, облачившийся в царские одежды, обращается к лежащему в гробнице Кесарю, объявляя, что он его Ф. Вероятно,

Ф. как особое божество входил в состав согдийского пантеона (по реконструкции В. Б. Хеннига). В Бактрии у кушан Ф. изображался в виде человека в царской одежде.

Широко известны изображения мужского божества Фар(р)о на кушанских монетах. Иранские производные от Ф. \varnothing *hvarnah оказали влияние на формирование сходных понятий у соседних народов (ср. древнетюркское qut или слав. *slava), а в некоторых случаях заимствовались ими (ср. тохарские иранизмы perne, paḡām или, возможно, славянское «парни, парень» как обозначение социально-возрастной категории мужчин, готовых к вступлению в брак). Особый престиж, который связывался с понятием Ф., предопределил чрезвычайно широкое использование слова «Ф.» в ономастике (в частности, царской). Ср. скифско-сарматские [Φαζιης (ср. осетинскую фамилию Færniatœ), Φάζιαχης, Φαζνοξαζθος, Хоφαζνος, Πιτφαζινάχης, Σαίταφάζνης и др.], согдийские (βγυрпн = Bagēfarn, Nanefarn, Wγašefarn и др.), парфянские (Mtrprn = Mihrafarn, Prnbg = Farnbag, Bržprn = Burzfarn и др.), хорезмийские (šyϕ wršprn) имена, а также ещё более древние наименования, например, в ассирийских клинописных источниках: Awarparnu (713 до н. э.), Sitirparna = Šiθrafarnah-, Iparna.

Характерна семантика элементов, составляющих сакрально отмеченные формы: Ф. и бага-/баγa-, «доля», «бог», arta-, «истина», хšaθra-, «царская власть», аγa, «арийский» и т. п. (ср., например, священные огни Farnbag, Aturfarnabaγ и др.).

Литература :

- Миллер В. Ф., Осетинские этюды, ч. 2, М., 1882;
его же, О сарматском боге Уатафарне, в кн.: Древности Восточные, т. 1, в. 2, М., 1891, с. 129–34;
Тревер К. В., Золотая статуэтка из селения Хаит, в кн.: Труды Государственного Эрмитажа, т. 2, Л.-М., 1958, с. 142–43;
Литвинский Б. А., Кангюйско-сарматский фарн, Душ., 1968;
Топоров В. Н., О происхождении нескольких русских слов (К связям с индоиранскими источниками), в кн.: Этимология? 1970, М., 1972, с. 23–37;
Nyberg H. S., Die Religioner, des Alten Iran, Lpz., 1938;
Widengren G., Hochgottglaube im Alten Iran, Uppsala, [1938];
его же, The Sacral Kingship of Iran, в сб.: La regalità sacra, Leiden, 1959, p. 242–257;
его же, Die Religionen Irans, Stuttgart., [1965];
Bailey H. W., Zoroastrian problems in the ninth-century books, Oxf., 1971;
его же, Armeno-Indo-iranica, в кн.: Transactions of the philological society, L., 1956;
его же, Iranian arya- and daha-, в сб.: Transactions of the philological society, L., 1960;
Lentz W., Yima and Khvarenah in the Avestan Gathas, в кн.: A Locust's Leg.

Studies in honour of S. H. Tagizadeh, L., 1962, p. 131–134;

- Ducesne-Guillemin J., Le «Xârnah», «Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione linguistica», 1963, v. 5, p. 19-31;
- Bussagli M., Painting of Central Asia, Geneva, 1963;
- Molé M., Culte, mythe et cosmologie dans l' Iran ancien, P., 1963, p. 434-68;
- Henning W. B., A Sogdian God, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1965, v. 28, № 2;
- Asmussen J. P., [рец. на кн.] Binder G., Die Aussetzung des Königskindes Kyros und Romulus, Meisenheim am Glan, 1964, «Orientalistische Literaturzeitung», 1967, Jg. 62, № 5-6;
- Göbl R., Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd 1, Wiesbaden, 1967 [Katalog];
- Rosenfield J. M., The Dynastic arts of the kushans, Berk. - Los Angeles, 1967. В. Н. Топоров.